

А БЫЛ ЛИ РЕВИЗОР?

В редакцию пришло письмо:

«Верно ли, что сюжет «Ревизора» Гоголю подсказал Пушкин? О чем он, собственно, ему рассказал?»

Костина Людмила
Игнатьевна.

Я было удивился: ну, кто же не знает, что сюжет «Ревизора» подсказал Гоголю Пушкин? И не только «Ревизора», но и «Мертвых душ». Но, впрочем... Я действительно давно слышал о самом факте. А что, собственно, я об этом знаю? И действительно, что именно Пушкин рассказал Гоголю?

Ох, «ленивы мы и нелюбопытны»!

И отправился я в библиотеки. И теперь готов поделиться с Людмилой Игнатьевной всем, что удалось обнаружить в книгах. Надеюсь, нигде в повествовании у меня не прорежется тон «первооткрывателя». Все уже написано. Надо было только прочитать. Остается лишь сожалеть, что не сделал этого раньше.

Спокойно отметим, согласившись с Сенковским, что в сюжете «Ревизора» положен «старый, всем известный, тысячу раз напечатанный, рассказанный в разных видах и на разных языках анекдот». Да и, в общем-то, вся многовековая мировая литература держится на нескольких моделях сюжетов. Но вот как рассказать «анекдот» и зачем?

Надо отметить, что у Александра Сергеевича Пушкина на этот счет были и свои планы. Известен его автограф, в котором набросок (план) литературного произведения. Речь идет о некоем Криспине (Свинине), которого принимают за ревизора, о губернаторе, честном «дураке», губернаторше, которая с Криспином проказит, а последний сватается за губернаторскую дочь. Причем намеренная фамилия Свинин соответствовала имени тогдашнего издателя «Отечественных записок», человека глупого, плутоватого и лживого. Будучи в Бессарабии

он прямо-таки продублировал поведение будущего Хлестакова. Ну, а Криспин — популярный плутоватый персонаж старинной итальянской комедии, перешедший потом и во французскую.

Замысел Пушкина предполагал пикантные отношения плута и честного дурака губернатора. В общем, веселый фарс, вполне уютный. Впрочем, и первый вариант гоголевского «Ревизора» был близок просто к фарсу, к веселой комедии. И сам Гоголь поначалу считал, что «дело шло только о шести провинциальных чиновниках, оказавшихся плутами». Гоголь работал над «Ревизором» восемь лет, и только через полвека смог прозвучать со сцены окончательный классический текст пьесы. И если на первом представлении царь «хлопал и много смеялся», то теперь бы смех его уже не обуял.

Но мы несколько забежали вперед. Итак, у Пушкина были даже собственные заметки по этому сюжету. Более того, данные намечкам предшествовал его личный опыт. Приведу подлинным текстом фрагмент одной из книг:

«... в поездку свою в Уральск для собрания сведений о Пугачеве, в 1833 году Пушкин был в Нижнем, где тогда губернатором был М. П. Б(утурлин). Он прекрасно принял Пушкина, ухаживал за ним и вежливо проводил его. Из Нижнего Пушкин поехал прямо в Оренбург, где командовал его давнишний приятель гр. Василий Алексеевич Перовский. Пушкин у него и остановился. Раз... поздно утром Пушкина разбудил страшный хохот. Он видит: стоит Перовский, держит письмо в руках и заливается хохотом. Дело в том, что он получил письмо от Б. из Нижнего, содержания такого: У нас недавно проезжал Пушкин. Я, зная, что он, облакал его, но должно признаться, никак не верю, чтобы он разъезжал за документами

о Пугачевском бунте; должно быть ему дано тайное поручение собирать сведения о неисторических. Вы знаете мое к вам расположение; я почел долгом вам посоветовать, чтобы вы были осторожнее и пр.»

Так что Александр Сергеевич испытал «коллизии» на собственном опыте.

Но в самых разных воспоминаниях главным образом речь идет о другой ситуации, изложенной Александром Сергеевичем Николаю Васильевичу. Например, в «Воспоминаниях» В. А. Соллогуба говорится, что Пушкин рассказал Гоголю «про случай, бывший в г. Устюжне Новгородской губернии, о каком-то проезжем господине, выдавшем себя за чиновника министерства и обобравшем всех городских жителей». Кстати, в этих же «Воспоминаниях» рассказывается и о курьезе, бывшем на Урале с самим Пушкиным.

Возникают два вопроса. Был ли такой случай в городе Устюжне? И действительно ли знал о нем Гоголь со слов Пушкина?

Побываем в городе Устюжне Новгородской губернии 20-х годов прошлого столетия, где должность городничего занимал бывший гвардии капитан Кексгольмского полка Иван Александрович Макшеев. Чин невелик, как и городок, хлопот мало. Пять лет Иван Александрович безбедно служит при малых беспокоествах и огромной влиятельности на местное население. Но вот в городке появляется неизвестный человек, показавшийся новгородскому губернатору А. У. Денферу подозрительным. И губернатор отправляет запрос в форме письма следующего содержания:

«27 мая 1829 года
Милостивый Государь мой
Иван Александрович,
известия частью, что приезжающий из Вологды на соб-

ственных лошадях и в карете некто в партикулярном платье с мальтийским знаком, проживает во вверенном Вам Городе более пяти дней, о причине столь долгого его нахождения, ниже и того к какому он классу людей принадлежит, никто из жителей даже и сами Вы не знаете, почему необходимо считаю иметь от Вас сведения по какому случаю проживал он в Устюжне не входил ли в общественные собрания и в присутственные места и не обращал ли он какого-либо внимания на какие-нибудь предметы, если же он и ныне находится в Устюжне спросите о звании его и меня без промедления времени уведомите».

С почтением имею честь
быть,
милостивый Государь мой,
ваш покорный слуга
Август Денфер.

№ 5829
27 мая 1829
Новгород
Его Высокоб.
Макшееву».

С запятыми у Августа не все, как видите, в порядке. Но точку он поставил вполне грамотно, в конце предложения, уместив всю эту реляцию в одну фразу.

Подозрительность Августа Денфера усугублялась еще и тем, что неизвестный сверкал на всю Устюжну мальтийским крестом, упраздненным после смерти Павла I и запрещенным к ношению.

Неизвестно, что Макшеев ответил Денферу (в архиве не сохранился ответ). Но во всяком случае губернатор решил лично и немедленно обревизовать губернию. Была у него задумка свершить это с внезапностью и инкогнито, но в последнюю минуту передумал и уведомил о «внезапности». В «Книге Устюжнской Градской Думы на записку получаемых из разных присутственных мест и от лиц сообщений, от-

ношения и просителей прошений № 1829 год» в графе под заголовком: «По каким делам докладывано» записано «июня 4-го дня», под № 6358/181, «Предписание Г. Новгородского гражданского губернатора и кавалера... об отъезде его для обревизования губернии в последних числах июня и о прочем».

В какие приключения попал далее «кавалер Денфер», отправившийся на поддержание губернской репутации в глазах наезжого «инкогнито», нам неизвестно. Но мы же с вами читали «Ревизора» Николая Васильевича Гоголя, так что общее представление имеем. Что касается Макшеева, то он еще несколько лет после того благополучно служил городничим.

У истории этой есть продолжение. Городничий уже отошел в мир иной, когда в литературе появились сведения о том, что в основу «Ревизора» Гоголем положен факт, имевший место в городе Устюжне. Это вызвало гнев уже сына городничего Алексея Ивановича Макшеева, скончавшегося в последние годы того века. В архиве найден черновик его заметки, видимо, предполагавшей к публикации. Заметка очень длинная, приводить ее не станем. Сообщим только несколько сыновних соображений. Оказывается, Ляпкиным-Тяпкиным должен был быть не судья, а исправник. Попечитель богоугодных заведений вообще в Устюжне не было. Учитель истории вовсе не ломал стулья, а просто порол на уроках детей. И вообще папа-городничий был «человек в высокой степени добрый, мягкий и честный, не имевший ничего общего с Сквозник-Дмухановским» Вот какие «неточности», вот какие обиды.

Впрочем, лично с Алексея Ивановича какой же спрос? Он же был не дочь городничего, а сын. Так что никаких видов на него Иван Александрович Хлестаков просто и иметь не мог. А писанный маслом портрет его батюшки, бравого го-

родничего Ивана Александровича Макшеева, хранится в рукописном отделе Института русской литературы. Не каждый сподобится, так что нечего и обижаться.

Вот некоторые более поздние подробности, о которых не мог знать даже Александр Сергеевич Пушкин, рассказывая эту историю Николаю Васильевичу Гоголю.

А рассказывал ли?

О существовании в природе славного града Устюжны Гоголю было доподлинно известно. Во всяком случае дважды (в «Мертвых душах» и «Тяжбе»), когда Гоголю нужно было намякнуть на провинциальное захолустье, от которого «хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь», он употребил название Вельегонска (ближайший от Устюжны город) и название Устюжского уезда.

А вот от Пушкина ли он узнал об этом городке?

«Помимо свидетельства Соллогуба, мы не имеем других данных о знакомстве с устюжскими событиями Пушкина». Есть вот такая версия. Согласно дневнику Бодянского, Гоголь, будучи у Аксаковых, «при разговоре между прочим заметил, что первую идею к Ревизору его подал ему Пушкин». В «Авторской исповеди», вслед за признанием о передаче ему Пушкиным сюжета «Мертвых душ», Гоголь рассказывает: «Мысль Ревизора принадлежит также ему».

Во всяком случае, как рассказывал Анненков, «в кругу своих домашних Пушкин говорил смеясь: с этим малоросом надо быть осторожнее: он обирает меня так, что и кричать нельзя».

Умели они смеяться, что Пушкин, что Гоголь. Может, и за это тоже любили и почитали друг друга. До чего же на благо нам пошла эта дружба.

Вот что довелось мне разузнать «по наущению» Людмилы Игнатьевны Костиной. До каких-то еще источников мне, видимо, добраться не удалось. Но история сюжета комедии в пяти действиях «Ревизор» выглядит примерно так.

Э. ГРАФОВ.